Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108).
Political Linguistics. 2024. No 6 (108).

УДК 81'27+81'42+81'38+81'367.623
ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Екатерина Сергеевна Ступина
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, stupina.ek@mail.ru, SPIN-код: 3023-0453, https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0001-9978-9686

Изменение риторического кода: роль атрибутивного прилагательного в номинации политического объекта

АННОТАЦИЯ. *В работе рассматривается возможность изменения риторических кодов в политическом дискурсе. Понимание риторического кода обусловлено тем, как коммуниканты воспринимают адресованную им речь. Происходит закрепление смысла на основе эмоциональной оценки атрибутивных элементов и риторической задачи говорящих. Изучение риторического кода направлено на установку взаимодействия конкретной информационной данности и возможной реализации скрытых смыслов. Риторические коды являются частью культурного кода, поэтому включают в себя культурно-исторический бэкграунд. Цель исследования — понимание механизмов, определяющих структуру риторического кода. Верная дешифрация кода связана с особенностями мировоззренческих установок политика, с его умонастроениями и потребностью идентифицироваться в обществе. Анализ политического дискурса определен идеологическими ценностями. Предложение отказаться от риторики нового в отношении присоединенных Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей обусловлено потребностью сплотить народ и подчеркнуть единое прошлое государства, а также поддержать новые субъекты, переживающие тяжелые времена. Исторические данные подтверждают, что это были динамически развивающиеся территории. Работа выполнена в русле описательного метода лингвистики. Использованы общенаучные методики наблюдения, интерпретации, обобщения, также семантико-стилистический анализ. Результаты работы направлены на актуализацию мысли о том, что человек — активный интерпретатор и носитель определенных концептуальных систем. Риторический код в политическом дискурсе отражает коллективные эмоции, формирует обобщенное представление о значимых для нации событиях.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *риторический код, политический дискурс, дизъюнктивная наррация, парамифийная (поддерживающая) наррация, когнитивные процессы, политические деятели, атрибутивные прилагательные, политический объект.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ступина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, 4 корпус, ауд. 2418.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ступина, Е. С.* Изменение риторического кода: роль атрибутивного прилагательного в номинации политического объекта / Е. С. Ступина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 147-151.

Ekaterina S. Stupina
Dobrolubov Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, stupina.ek@mail.ru, SPIN code: 3023-0453, https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0001-9978-9686

A Change of the Rhetorical Code: The Role of Attributive Adjective in the Nomination of a Political Object

ABSTRACT. *The paper examines the possibility of changing rhetorical codes in political discourse. Comprehension of the rhetorical code is determined by how the communicants perceive the speech addressed to them. The meaning is fixed on the basis of the emotional evaluation of the attributive elements and the rhetorical task of the speakers. The study of the rhetorical code is aimed at establishing the interaction between a specific information entity and the possible realization of hidden meanings. Rhetorical codes are part of the cultural code, therefore they include the cultural-historical background. The aim of this study is to reveal the mechanisms that determine the structure of the rhetorical code. The correct decoding of the code is associated with the peculiarities of the politician's ideological attitudes, their mentality and the need to identify themselves in society. The analysis of political discourse is determined by ideological values. The proposal to abandon the rhetoric of the new in relation to Donetsk and Lugansk People's Republics, Zaporizhia and Kherson regions is due to the need to unite the people and emphasize the common past of the state, as well as to support the new entities going through difficult times. Historical data confirm that these were dynamically developing territories. The work is carried out in line with the descriptive method of linguistics. The study uses the general scientific methods of observation, interpretation, generalization, as well as semantico-stylistic analysis. The results of the study are aimed at actualizing the idea that a person is an active interpreter and bearer of certain conceptual systems. The rhetorical code in political discourse reflects collective emotions and forms a generalized idea of events significant for the nation.*

KEYWORDS: *rhetorical code, political discourse, disjunctive narration, supporting narration, cognitive processes, politicians, attributive adjectives, political object.*

© Ступина Е. С., 2024

AUTHOR'S INFORMATION: *Stupina Ekaterina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian as a Native and Foreign Language, Dobrolubov Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Stupina E. S.* (2024). A Change of the Rhetorical Code: The Role of Attributive Adjective in the Nomination of a Political Object. In *Political Linguistics*. No 6 (108), pp. 147-151. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В русской культуре восприятие слова всегда было сакрально: посредством слова мы выражаем отношение к окружающему миру. Особенно значимой представляется формулировка номинации явлений, связанных с общественно-политическими процессами. Номинативная деятельность человека обусловлена спецификой речемыслительной процедуры, т. е. «осуществляется либо выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо создание подходящего названия для него» [Тырыгина 2006: 163]. В политическом дискурсе речевая презентация объекта связана со множественными факторами: от культурных установок общества до насущно актуализированных проблем, от фольклорно-мифологических основ до прагматических. Известно, что «политическое мышление воплощено в речевых структурах, и специфика этого мышления нередко проявляется в речевой деятельности вне зависимости от желаний говорящего» [Чудинов 2006: 82]. С нашей точки зрения, важно понимать, какова будет конечная инференция номинативной единицы. Восприятие информации, которую получает коммуникант, опираясь на существующие данные, происходит при дешифрации риторического кода. Риторический код следует трактовать как «систему знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженную в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику» [Ступина 2023: 104].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Риторическое определение кода закрепляется на основе эмоциональной оценки речевой формулы, включающей показатели лексико-семантического и грамматического характера. Кроме того, важно учитывать риторическую задачу говорящего, включающую в себя культурно-исторический бэкграунд. У. Эко подчеркивает, что риторическое высказывание «строится на базе готовых оборотов речи и расхожих суждений, пытается играть на банальных чувствах» [Эко 1998: 128]. Понимание механизма установления кода связано с изучением «контекста, норм и ценностей, предопределяющих ту или иную дискурсивную практику» [Ван Дейк 2013: 40]. Риторический код позволяет расшифровать информационный фон для понимания прагматики текста. Описывать инференцию текстовой единицы релевантно в когнитивном аспекте. Исследователь, погружаясь в логику риторических знаков, представляет совокупность мыслительных операций от возникновения идеи до последующей интерпретации ее в составе кодовой схемы [Соколова 2017: 19]. В политическом дискурсе формирование риторических кодов обусловлено синтаксической организацией текстовой единицы, спецификой реализованных морфологических категорий, стилистической окраской лексем, организованными приемами выразительности, жанровыми особенностями произведения. Для политического текста «речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин 1987: 403]. Политик, неосознанно формируя кодовую структуру высказывания, транслирует обществу свои взгляды и предпочтения относительно определенных событий, т. е. «репрезентирует себя как носителя определенного мировоззрения и идеологических ценностей» [Быкова 2018: 148]. Электорат, воспринимая речевую формулу, обнаруживает определенные знаки кода и считывает имплицитную информацию. Анализ политического дискурса, ориентированного на самоидентификацию человека в различных разговорных интеракциях административного и общественного содержания, опирается на анализ риторической организации текста — анализ того, как «текст и диалог сориентированы на социальное действие» [Йоргенсен Марианне 2008: 191]. Естественно, что индивид таким образом пытается утвердить свои взгляды и разрушить мнения других. Неудивительно, что высказывания политиков часто отличаются эпатажностью, неоднозначностью предлагаемого, акцентированием внимания на малосущественных проблемах. Л. А. Гаврилов пишет о том, что «поток информации, циркулирующий в политическом дискурсе, лишь отчасти определяет значимость описываемых событий» [Гаврилов 2016: 50]. Как правило, предложения политического характера моделируют риторические коды или трансформируют существующие. Например, продуктивным может быть вариант с изменением кода при замене

номинации стандартного государственного процесса. Показательным в этом отношении является предложение главы Крыма Сергея Аксёнова заменить словосочетание *новые регионы* на *исторические регионы.* Сергей Валерьевич отмечает: «*Это были земли Российской империи, люди были наши, Советский Союз был — ну какие они „новые“? Это исторические российские земли, которые всегда были в составе России*». В данном случае необходимо разобраться, какова разница в употреблении атрибутивных элементов *новый — исторический* и какой риторический код реализуется в результате замены, а самое главное — каков риторический код самого высказывания, содержащего эту идею. Стоит отметить, что многие российские парламентарии действительно посчитали нужным отказаться от риторики *нового* в отношении Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, хотя законодательно установлено равноправие всех регионов России.

ОБСУЖДЕНИЕ

Итак, новыми в составе России указанные территории стали после подписания Президентом федерального конституционного закона: «…наименование нового субъекта Российской Федерации — Донецкая Народная Республика — дано в соответствии с Федеральным конституционным законом от 4 октября 2022 г. N 5-ФКЗ „О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики“» (Конституция, ст. 65).

Новизна оценивается с точки зрения истории Российской Федерации. Статус чего-либо нового справедливо определять в течение небольшого отрезка времени. Сущность новизны утрачивается в связи с утратой актуального параметра. Лексему *новый,* согласно БАС, следует определять как ‘впервые созданный или сделанный, недавно появившийся или возникший’ [БАС]. Вопрос о необходимости атрибутивной замены релевантен, но, с нашей точки зрения, дианоэтическая основа подобной процедуры сформирована иными потребностями. Риторический код словосочетания *новые регионы* в заголовке «Российской газеты» «*Четыре новых региона включены в перечень субъектов РФ: что теперь поменяется»*[1] устанавливается с точки зрения констатирующего фактора. Фактически эти территории не являются новыми в границах исторического контекста. Отметим, что у прилагательного *новый* установлены еще семы: ‘вновь открытый, обнаруженный, ранее неизвестный’, ‘незнакомый, малоизвестный’. Вероятно, интуитивно для человеческого осмысления все новое связано с чем-то неизученным, неясным, непонятным и в некоторой степени чуждым. Таким образом, восприятие нового может быть расценено с позиции обособленности регионов. Данная установка вступает в противоречие с изначально заявленной государственной идеологической концепцией «возвращения домой». Возможно, в этом случае считывается появившийся некоторый неприятный смысл, формируется иной риторический код — дизъюнктивной наррации. Дзъюнкция, рассматриваемая как выражение логического отношения [РС], аккумулирует идею разделения, что потенциально вызовет общественное напряжение в указанных объектах РФ.

Указанные в Конституции пояснения устанавливают даты принятых законов, актуализирующих информацию обо всех субъектах, изменивших свой статус. Изменения могли быть связаны с переименованием субъектов, трансформацией их типа, перераспределением территорий, например, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Забайкальский край, Пермский край. Аналогично отмечается использование прилагательного *новый*. Стоит подчеркнуть, что жители России не называют эти субъекты новыми в обыденной речи, в отличие от атрибуции Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей. Предположительно, подобное в языке фиксируется в силу объективных причин — пока еще ведется напряженная борьба за установленные позиции, прошло еще мало времени после принятия закона. Эти территории сегодня для всей страны оказываются особенно важны, поскольку нуждаются в помощи и поддержке. Фиксация в речи статуса субъектов как новых обусловлена вниманием общественности. Вероятно, если бы были установлены очередные новые регионы России, то актуализация новизны у указанных регионов была бы утрачена, поскольку акцент был бы перенаправлен.

Верным считается тот факт, что «дискурс как социальная практика предполагает диалектическую взаимосвязь между определенным дискурсивным событием и ситуацией(ями), институтом(ми) и социальной структурой(ами), которые задают его структуру — они формируют дискурсивное событие, но

[1] https://rg.ru/2022/10/06/chetyre-novyh-regiona-vkliucheny-v-perechen-subektov-rf-chto-teper-pomeniaetsia.html?ysclid=m3co4fso7f813287619

также дискурсивное событие формирует их. То есть дискурс социально конституирующ, так же как и социально конституирован — он конституирует ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения» [Тичер 2009: 48]. Выбор прилагательного определяет статус субъекта не столько в структуре государства новейшего времени, сколько в исторической перспективе, а значит, подчеркивает справедливость всех предпринятых радикальных действий. Протекающие когнитивные процессы способствуют тому, что человек, включенный в систему кодов, не только открывает новое в актуальном пространстве, но и интерпретирует происходящее в мире, ориентируясь на собственный культурный бэкграунд. В этом проявляется способ бытия индивидуального и коллективного языкового сознания [Шарандин 2017: 11].

Если отказаться от существующей риторики, как предлагают представители власти, и заменить атрибутивный компонент *новый* на *исторический*, сформируется внешне иная риторическая формула, изменится риторический код, но подобное действие будет рассматриваться как искусственное вмешательство в процесс постепенной адаптации. Здесь нужно учитывать состояние общественной мысли и активность общественного влияния в условиях нестабильной внешнеполитической и социальной ситуации, поскольку «политический дискурс в первую очередь зависит не от темы и стиля, но от того, кто говорит, кому, что, в какой ситуации и с какой целью» [Ван Дейк 2013: 216]. Эмоционально обусловленная речевая обстановка определяет соответствующий набор языковых единиц.

Обе текстовые вариации допустимы при верной оценке политического пространства. Как справедливо отмечает Норман Фэркло, можно «выделить две причинные „силы“, которые формируют тексты: с одной стороны, социальные структуры и социальные практики; с другой стороны, социальные агенты, люди, вовлеченные в социальные события» (перевод наш. — *Е. С.*) [Fairclough 2003: 22]. Таким образом, под влиянием регулирующей законодательной системы и социальной практики был реализован вариант с прилагательным *новый*, но социальные агенты, чувствуя определенную обособленность, несправедливую отдаленность, настаивают на определении *исторический*. По мнению В. З. Демьянкова, важным свойством политического дискурса является повышенная критичность и пламенность с претензией на абсолютную истинность [Демьянков 2002]. Возможно, в данном случае мы наблюдаем проявление самоидентификации посредством реализации протестной риторики через критику существующего порядка. Прилагательное *исторический* определяется как ‘относящийся к прошлому того или иного народа’; ‘имеющий важное значение, знаменательный’ [БАС]. Данные значения позволяют аккумулировать идею об успешном прошлом этих территорий, которые в XIX веке считались динамично развивающимися [Стоколос 2023: 35]. Следовательно, предложение главы Крыма открывает прагматический фон, связанный с хозяйственным и промышленным потенциалом Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей. Риторика Сергея Аксенова зиждется на акцентно-патетическом фундаменте, ибо его предложение воспринимается как акция, поддерживающая моральный дух жителей, чьи дома были разрушены войной. Таким образом, дешифруется риторический код парамифийной (поддерживающей) наррации, сформированный номинацией *исторические регионы*. Таким образом, противопоставление атрибуций *новый* — *исторический* «снимается». Подобный код организуется в структуре общего высказывания, имеющего свою кодовую спецификацию, связанную с частными кодовыми формулами, а именно: риторический код ложной оппозиции обостряет внимание на несуществующем конфликте, который может быть спровоцирован подобными предложениями. Он реализован с целью демонстрации собственных взглядов на политическую обстановку, а также для фиксации своей политической роли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование позволяет сделать вывод о том, что в политическом дискурсе формируется особая система риторических кодов, которые являются частью политического образа политика, его стратегий, направленных прежде всего на самоидентификацию. Точная дешифрация кодов обусловлена осмыслением причинно-следственной связи когнитивных процессов человеческого сознания, культурно-исторических основ общественной структуры и речевой формулы.

ИСТОЧНИКИ

1. БТС: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — Текст : непосредственный.

2. РС = Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 432 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быкова, Е. В. Политический дискурс «до» и «после»: антиномия номинаций субъекта в массмедиа / Е. В. Быкова. — Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 1. — С. 146–151.

2. Гаврилов Л. А. Политический дискурс в зеркале научного // политическая лингвистика 2 (56)’2016. — С. 50-54.

3. Дейк, Тён А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 344 с. — Текст : непосредственный.

4. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков. — Текст : электронный // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — Москва, 2002. — № 3. — С. 32–43. — URL: http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm (дата обращения: 10.11.2024).

5. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. / Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. — 2-е изд., испр. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008. — 352 с. — Текст : непосредственный.

6. Паршин, П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П. Б. Паршин. — Текст : непосредственный // Системные исследования. Ежегодник. 1986. — Москва : [б. и.], 1987. — С. 398–423.

7. Соколова, О. В. Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия / О. В. Соколова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 3. — С. 19–30.

8. Стоколос, М. Д. Русская идентичность Донбасса: исторический аспект / М. Д. Стоколос. — Текст : непосредственный // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. — 2023. — № 17 (19). — С. 30–44.

9. Ступина, Е. С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») / Е. С. Ступина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 103–108.

10. Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса : пер. с англ. / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водка, Е. Веттер. — Харьков : Гуманитарный центр, 2009. — 356 с. — Текст : непосредственный.

11. Тырыгина, В. А. Жанроформирующая роль номинации (на материале использования глагольных наименований в британских медиажанрах) / В. А. Тырыгина. — Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 10. — Ч. 1. — С. 163–169.

12. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

13. Шарандин, А. Л. Типы знаний в контексте теории интерпретации / А. Л. Шарандин. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 3. — С. 10–18.

14. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — [Б. м.] : Петрополис, 1998. — 432 с. — Текст : непосредственный.

15. Fairclough, N. Analysing Discourse Textual analysis for social research / Norman Fairclough. — New York : Routledge, 2003. — 270 p. — Text : unmediated.

16. Grünert, H. Politisches Sprechen als oppositiver Diskurs: Analyse rhetorisch-argumentativer Strukturen im parlamentarischen Sprachgebrauch / H. Grünert, G. Kalidova. — Text : unmediated // Textproduktion und Textrezeption / E.W. Hess-Lüttich (ed.). — Tübingen : Narr, 1983. — S. 73–79.

MATERIALS

1. Kuznetsov, S.A. (Ed., 2000). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. — St. Petersburg: NORINT, 1536 p. (In Russ.)

2. Khazagerov, G.G. (2009). *Ritoricheskij slovar'* [Rhetorical Dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka, 432 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bykova, E.V. (2018). Politicheskij diskurs “do” i “posle”: antinomiya nominacij sub"ekta v massmedia [Political discourse “before” and “after”: the antinomy of subject nominations in the mass media]. *Verhnevolzhski philological bulletin, 1*, 146–151. (In Russ.)

2. Gavrilov, L.A. (2016). Politicheskij diskurs v zerkale nauchnogo [Political discourse in the mirror of the scientific]. *Political Linguistics, 2*(56), 50–54. (In Russ.)

3. Dijk, Thoen A. Van (2013). *Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. (Transl.). Moscow: LIBROKOM, 344 p. (In Russ.)

4. Demyankov, V.Z. (2002). Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoj filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. *Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya* [Political science. Political discourse: History and modern research], *3*, 32–43. Retrieved Oct. 11, 2024, from http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm (In Russ.)

5. Jorgensen, Marianne V., & Phillips, Louise J. (2008). *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method] (2nd ed., corrected). Kharkov: Gumanitarnyj centr, 352 p. (In Russ.)

6. Parshin, P.B. (1987). Lingvisticheskie metody v konceptual'noj rekonstrukcii [Linguistic methods in conceptual reconstruction]. In *Sistemnye issledovaniya. Yearbook* (pp. 398–423). Moscow. (In Russ.)

7. Sokolova, O.V. (2017). Kognitivnyj mekhanizm i kommunikativnye strategii diskursov aktivnogo vozdejstviya [Cognitive mechanism and communicative strategies of active influence discourses]. *Issues of cognitive linguistics, 3*, 19–30 (In Russ.)

8. Stokolos, M.D. (2023). Russkaya identichnost' Donbassa: istoricheskij aspekt [Russian identity of Donbass: historical aspect]. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, *17*(19), 30–44. (In Russ.)

9. Stupina, E.S. (2023). Ritoricheskie kody` antonimov v politicheskom tekste: biografiya e`poxi (na osnove rabot V. I. Lenina «S chego nachat`?», «Chto delat`?») [Rhetorical codes of antonyms in a political text: a biography of the era (based on the works of V. I. Lenin “Where to start?”, “What to do?”)]. *Political linguistics, 4*, 103–108. (In Russ.)

10. Ticher, S., Meyer, M., Wodak, R., & Vetter, E. (2009). *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Gumanitarnyj centr, 356 p. (In Russ.)

11. Tyrygina, V.A. (2006). Zhanroformiruyushchaya rol' nominatsii (na materiale ispol'zovaniya glagol'nykh naimenovaniy v britanskikh mediazhanrakh) [The genre-forming role of nomination (based on the use of verb names in British media genres)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, *10* (part 1), 163–169. (In Russ.)

12. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political communication]. Moscow: Flinta: Nauka, 254 p. (In Russ.)

13. Sharandin, A.L. (2017). Tipy znanij v kontekste teorii interpretacii [Types of knowledge in the context of the theory of interpretation]. *Issues of cognitive linguistics, 3*, 10–18 (In Russ.)

14. Eco, U. (1998). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure. Introduction to Semiology]. Petropolis, 432 p. (In Russ.)

15. Fairclough, Norman (2003). *Analyzing Discourse Textual analysis for social research*. — New York: Routledge, 270 p.

16. Grünert, H., & Kalivoda, G. (1983). Politisches Sprechen als oppositiver Diskurs: Analyse rhetorisch-argumentativer Strukturen im parlamentarischen Sprachgebrauch. In E.W. Hess-Lüttich (Ed.), *Textproduktion und Textrezeption* (S. 73–79). Tübingen: Narr.